
18+
Зиннатова Виолетта
Тот, кто
ДОЧИТАЕТ

Виолетта Зиннатова

Тот, кто дочитает

«Издательские решения»

Зиннатова В.

Тот, кто дочитает / В. Зиннатова — «Издательские решения»,

Алексей Воронцов найден мёртвым в запертой квартире. Рядом — рукопись, в которой заранее описана его смерть и названы четверо подозреваемых.Следователь Ирина Ланская начинает расследование, но каждая новая улика лишь запутывает дело. За чужими тайнами скрывается тщательно продуманный замысел, в котором не всё так очевидно.Кто убийца? Кому выгодна ложь? И какую роль в этой истории предстоит сыграть тому, кто дочитает до конца?

© Зиннатова В.
© Издательские решения

Содержание

Слова автора 6
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Тот, кто дочитает

Виолетта Зиннатова

Иллюстратор Виолетта Зиннатова

© Виолетта Зиннатова, 2026
© Виолетта Зиннатова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-7518-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слова автора

Не доверяйте уликам только потому, что они выглядят убедительно. Подозрение ещё не доказательство, а самая заметная деталь порой оказывается именно той, на которую вас и хотели направить. Сопоставляйте факты, ищите противоречия и задавайте себе вопрос: кому выгодно, чтобы вы смотрели именно сюда?

В этой истории есть две роли, которые легко не заметить. Первая принадлежит тому, кто составляет обвинение и выбирает, какие факты показать. Вторая — тому, кто принимает это обвинение, не проверив, на чём оно держится. Один направляет взгляд, другой добровольно следует за ним.

К финалу вам придётся решить, кем вы останетесь: сторонним наблюдателем или человеком, который поможет чужому замыслу завершиться. Не торопитесь с ответом. Возможно, вы уже участвуете в этой истории, хотя пока считаете себя лишь читателем.

Некоторые книги ждут своего читателя. Другие словно сами выбирают того, кто должен их открыть.

Эта книга уже выбрала вас.

Алексей Воронцов умер в собственной квартире. Дверь была заперта, окна закрыты, на столе лежала рукопись с описанием его смерти. В ней были названы четверо: люди, которым он успел испортить жизнь и которые, по его расчёту, должны были стать подозреваемыми. Один из них действительно пришёл за его жизнью. Остальные оказались нужны для другой части замысла.

Следователь Ирина Ланская не любила, когда ей заранее предлагали разгадку. Особенно если её предлагал покойник, который уже не мог ответить на уточняющие вопросы.

Почти каждый здесь что-то скрывает, но не всякая тайна связана с убийством. Воронцов умел расставлять акценты и оставлять после себя версии, в которых правда соседствовала с удобной ложью. Ирина будет отделять одно от другого. Вам предстоит следить за тем, какие детали подтверждаются, а какие существуют лишь потому, что кто-то очень хотел, чтобы вы в них поверили.

* * *

Кухонные часы показывали без двадцати три, когда Павел Климов позвонил в дежурную часть. Он сообщил, что нашёл Алексея Воронцова мёртвым, и дважды повторил адрес, словно боялся, что его запишут неправильно.

Участковый, первым вошедший в квартиру, задержался в прихожей. В комнате горела настольная лампа. На полу возле письменного стола лежал мужчина в домашней рубашке. Правая рука касалась раскрытой рукописи, левая была прижата к груди. На лице не осталось выражения, которое можно было бы назвать последним: только усталость, застывшая после долгого дня.

Крови не было. Мебель стояла на местах. Чашка с чаем оказалась почти полной. Лампа лежала на боку, хотя шнур тянулся к розетке. На белом листе возле рукописи темнела узкая полоска пепла. Окно было закрыто изнутри, замок входной двери не повреждён.

Ирина Ланская приехала через двадцать минут. Она сняла перчатки, чтобы застегнуть верхнюю пуговицу пальто, и только потом надела их снова. В отделе над ней посмеивались: Ирина могла забыть обед, но никогда не забывала застегнуть пальто перед осмотром. Сама она считала это не привычкой, а способом не начинать работу с раздражения.

— Кто нашёл? — спросила она.

— Павел Климов. Издатель. Ждёт на кухне.

— Один пришёл?

— Говорит, один.

Ирина присела у стола. На последней странице рукописи стояла фраза: «Убийца войдёт в комнату после того, как его назовут».

Под ней карандашом были поставлены две отметины. Первая — короткая, ровная. Вторая — тонкая, с маленьким крючком на конце. Ирина наклонилась ближе. Это не были знаки редакторской корректуры: один продавил бумагу, другой едва коснулся её.

— Кто-нибудь трогал лист? — спросила она.

— Нет. Климов говорит, что не подходил к столу.

— А рукопись?

— Он утверждает, что тоже не трогал.

Ирина выпрямилась. Люди, которые находили мёртвых, обычно смотрели на тело. Климов, судя по словам участкового, первым делом сообщил о рукописи. Это ещё ничего не доказывало, но Ирина внесла его имя в блокнот и поставила рядом вопросительный знак.

На столе лежал лист, сложенный пополам. Он не был частью рукописи. Фотограф снял его с двух сторон, после чего Ирина попросила криминалиста упаковать бумагу отдельно.

— Здесь что-то написано? — спросил участковый.

— Пока не знаю. Не будем помогать автору раньше времени.

Она закрыла рукопись. На корешке повторялся тот же крючок, что и на последней странице, возле номера, исправленного дважды. Одну цифру написали чёрными чернилами, вторую — графитовым карандашом. Ирина не стала делать выводов. Она уже видела дела, в которых следствие начиналось с красивой детали, а заканчивалось извинениями перед человеком, которого эта деталь едва не отправила за решётку.

Воронцов был известен не столько тиражами, сколько скандалами. Он брал реальные разговоры, менял имена и несколько обстоятельств, а затем уверял, что не обязан объяснять людям, почему они узнали себя в его книгах. Одни называли это смелостью, другие — дурным характером. Сам он предпочитал слово «наблюдательность».

Ирина читала его первый роман в поезде много лет назад. Сюжет почти выветрился из памяти, но она помнила раздражение от финала: автор оставил читателя с вопросом, на который сам же отказался отвечать. Тогда это показалось дешёвым приёмом. Теперь на столе лежал мёртвый писатель, словно решивший повторить трюк в жизни.

Климов ждал на кухне. Он был аккуратно одет, хотя на улице шёл дождь. На манжете белой рубашки виднелось крошечное пятно типографской краски. Он заметил, куда смотрит Ирина, и прикрыл запястье другой рукой.

— Вы давно здесь? — спросила она.

— Минут двадцать. Может, чуть больше.

— Вы вызвали полицию сразу?

— Да.

— Что делали до звонка?

— Проверил, дышит ли он. Потом отошёл. Я не врач.

— Вы трогали тело?

— Только запястье. Мне показалось, что он ещё может быть жив.

Климов говорил спокойно. Не холодно — скорее так, как говорят люди, привыкшие объяснять неприятности по пунктам.

— Зачем приехали?

— Алексей не отвечал. Мы должны были встретиться утром. Он обещал отдать последнюю часть романа.

— У вас был ключ?

— Запасной. Он дал его мне прошлой осенью, когда уезжал на книжную ярмарку.

— Вы входили в квартиру с тех пор?

— Нет.

— Рукопись видели?

— Только ту, что он присылал мне на согласование. Не эту копию.

Ирина посмотрела на него поверх блокнота.

— Вы знали, что он умер?

— Когда вошёл — нет. Потом увидел его на полу.

— Почему вы первым делом сообщили диспетчеру о рукописи?

Климов чуть заметно нахмурился.

— Потому что она лежала рядом с ним. И потому что Алексей последние недели говорил только о ней.

— Он боялся смерти?

— Алексей боялся не смерти. Он боялся, что кто-то другой поставит точку в его книге.

— Кто мог это сделать?

— Если вы спрашиваете, кто его не любил, список получится длинный. Если кто хотел его смерти — этого я не знаю.

— Кто видел последнюю рукопись?

— Марина Соколова, его редактор. Артём Белецкий читал несколько глав. Возможно, Вера Нечаева. Алексей присылал ей страницы без объяснений.

— Почему Вера?

Климов поправил край салфетки, лежавшей перед ним.

— Её сестра умерла много лет назад. Алексей написал о ней роман. Вера считает, что он присвоил чужую историю.

— А вы?

— Я считаю, что Алексей присваивал всё, до чего мог дотянуться. Иногда даже чужие интонации.

— И всё-таки издавали его книги.

— Издавал. У меня издательство, а не исповедальня.

Ирина записала ответ. В нём было больше раздражения, чем она ожидала.

— Не покидайте город. И пока не связывайтесь с остальными участниками этой истории.

— Вы думаете, они могли договориться?

— Я думаю, что пока не знаю, о чём мне думать.

В коридоре Ирина остановилась возле двери кабинета. На полке стояли книги, а между ними — маленькая жестяная машинка с отломанным колесом. На фотографии рядом Воронцов смеялся, запрокинув голову. Ирина впервые увидела его не как автора рукописи и не как тело на полу, а как человека, у которого когда-то была нелепая игрушка на полке.

На следующий день в отделении появились остальные.

Марина Соколова пришла с папкой, которую держала обеими руками. Ей было около сорока пяти. Волосы она собрала на затылке обычной канцелярской резинкой, на пальцах остались следы красной ручки. Пока Ирина задавала вопросы, Марина несколько раз машинально исправила написание фамилии Воронцова в собственных заметках.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Вчера, в половине шестого. Я принесла правки. Он не пустил меня в кабинет.

— Почему?

— Сказал, что там лежит то, чего мне пока нельзя видеть. У Алексея были странные представления о редактуре. Он мог прислать страницу в три часа ночи, а утром заявить, что я не имела права её читать.

— Вы поссорились?

— Мы не ссорились. Мы работали. Это иногда хуже.

Она вынула из папки распечатку и положила перед Ириной.

— Он хотел оставить в книге сцену, где редактор понимает, что писатель знал подробности смерти Лидии не из газет. Я попросила убрать её до проверки. Он ответил, что я опять пытаюсь отредактировать не текст, а прошлое.

— Вы знали Лидию?

— Нет. Но я десять лет слушала, как Алексей рассказывает о ней, и каждый раз версия менялась. То они были знакомы шапочно, то она сама просила его записать историю, то он вообще придумал её образ. Он не мог выбрать одну ложь.

— Почему вы продолжали с ним работать?

Марина провела ногтем по краю бумаги.

— Потому что книги были хорошими. Потому что он платил вовремя. Потому что я думала, что если рядом будет кто-то, кто говорит ему «нет», он хотя бы иногда будет это слышать. Выбирайте любую причину. Все три правдивы, и ни одна меня не оправдывает.

— Он принимал лекарства от сердца?

— Да. Я иногда покупала их. Он забывал, а потом обвинял аптеку, что упаковка изменилась.

— В день смерти вы приносили ему лекарства?

— Нет. Последний раз — в понедельник. Упаковка была запечатана. Я оставила её на тумбе в прихожей.

— Вы могли вернуться вечером?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.